

Цена отдельного номера 5 сент.

ПУТЬ ЖИЗНИ

Подписная плата: 1 год — 120 сентов.
6 месяцев 60 "
3 месяца 30 "

Плата за объявления: 1 мм. в одн. столбце:
на 1-ой стр. и в тексте 8 с., на посл. стр. 4 с.

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА
В МЕСЯЦ.

Ответственный редактор и издатель
священник А. КИСЕЛЕВ.

Адрес редакции: Rahu tänav nr. 3,
Narva — Eesti.

№ 1.

Среда, 17. апреля 1935 г.

1 год издания.

О культуре.

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

Слово „культура“ у нас употребляется очень часто и при том, в неодинаковом смысле. Грамотность, появление в деревне электричества, уменьшение пьянства, применение к хозяйству новых, улучшенных способов обработки земли и т. д. — все называют культурой. При таком широком понимании слова „культура“ оно превращается во что-то расплывчатое и неопределенное. Для того, чтобы слово „культура“ имело определенное значение — необходимо точно установить, что такое культура. Можем ли мы называть „культурой“ все, что сейчас так называется.

Для уяснения того, что может быть названо „культурой“ и того, что нельзя так называть, хотя у нас и часто называют это „культурой“, обратимся к тому, что называется „чувством языка“: посмотрим, принимает или не принимает наше чутье тот смысл, какой приписывается данному слову. Возьмем такие выражения: „крестьянин культивирует (возделывает и улучшает) поле“, „садовник культивирует (улучшает породу) яблоню“. Мы

чувствуем, что так можно и нужно сказать . . . Теперь попробуем сказать так: „я культивирую („возделываю и улучшаю“) березку в каутовнице“ или „я культивирую („улучшаю породу“) ель в телеграфный столб“. Без долгих раздумий можно сказать, что так сказать нельзя, что тут есть какая-то неувязка . . . Так может сказать только человек, не понимающий того, что он говорит, а просто — наджкий на иностранные слова. Здесь мы сразу же можем установить, что может быть названо культурой, и что не может быть так названо, хотя бы мы в разговорной речи часто и называли это так.

Когда мы говорим, что „садовник культивирует яблоню“, мы разумеем, что садовник помогает яблоне, именно, как яблоне. Те новые особенности, какие обнаружатся в яблоне, как следствие культивировки, (более вкусные и большие яблоки) уже есть в яблоне, но они не развиты, не раскрыты. Культивирование только продолжает и доводит до большей степени то, что уже есть в яблоне, но что не может одно улучшиться, без помощи садовника.

Вместе с тем, мы чувствуем, что сказать „я культивирую березку в каутовнице“ нельзя, потому что, когда я вырезаю каутовнице из березы, я ее про-

сто упишю в жак: ее, как растущего дерева, уже нет. Я даю березе другое назначение, которое никак не помогает березе, не ведет ее ни к какому совершенству. Каутовнице вещь полезная, но только для меня, а никак не для березы.

„Культура“ всегда есть развитие, раскрытие того наилучшего, что уже есть в том или другом существе (в человеке, в березе, в почве), она помогает тому, большому и важному, что уже существует, раскрыться и подняться на более высокую ступень.

У Чехова есть рассказ — „Крыжовник“. Чинovníк, как будто бы „культурный“ человек, грамотный, много знающий, живущий с „удобствами“, как о самом большом в жизни, мечтает о том, чтобы обзавестись своим домиком, чтобы при этом домике непременно был свой сад, а в этом саду обязательно был крыжовник . . . Отказывая себе во всем — он добивается осуществления „цели жизни“. К нему попадает в гости его друг. Чинovníк, сытый, предводительный угощает своего друга первыми ягодами крыжовника, собранными в его саду. Ягоды жесткие, маленькие, кислые . . . Но чинovníк ест их с наслаждением . . . Другу становится не по себе, тошнó. Перед

ним было какое-то самодовольное, почти что хрюкающее от наслаждения человекообразное животное, но человека не было.

На лицо и удобная жизнь, и обеспеченность, и осуществление „цели жизни“, а между тем, конечно, никакой культуры нет, хотя вся обстановка „культуры“, как будто бы на месте. Человек, его правда умерли, убиты, осталась только шелуха. В „культурной“ обстановке человек остался без „культуры“.

В немецком языке существует точное разграничение между тем, когда что может быть названо „культурой“ и тем, что не заслуживает такого наименования. Настоящая „культура“, где есть раскрытие лучшего в человеке, где раскрывается и умножается правда в человеке, так и называется „культурой“. Все же те случаи, где нет внутреннего духовного роста человека, где человек, хотя и создает удобную и легкую жизнь, но сам не растет, не становится человечнее, (как чинovníк в рассказе Чехова) немецкий язык называет ц и в и л и з а ц и е й.

У нас обыкновенно смешивают культуру с цивилизацией, в то время, как они совершенно различны.

На рождественских елках висят нарядные, золоченные орехи; они кажутся красивыми, ра-

дуют глаз своим блеском, а внутри — в них нет ядра. Если пред ребятишками положить кучу незарченных на вид, но хороших орехов и кучу золоченых, они, конечно, потянутся к золоченым... А между тем — ну, тро, „ядро“ таких золоченых орехов или совсем гнилое, или настолько горькое, что его в рот не возьмешь.

Цивилизация часто очень похожа на эти золоченые адовые орехи. Но она вводит в заблуждение не только „ребятишек“, но и очень взрослых людей, считающих себя „высококультурными“.

Тут мы подошли к новому, может быть самому важному признаку того, что может быть названо „культурой“.

Возьмем стихотворение Некрасова „Дядя Влас“. Дядя Влас — в первой половине своей жизни — обористый, прижимистый кулак. Свою жизнь устроил „удобно“ — живет богато, обирает односельчан, пользуется всеобщим внешним почетом. Если бы мысленно представить, что дядя Влас жил теперь, — то у него, вероятно, были бы и усовершенствованные машины, и электрическое освещение, и наилучшие способы хозяйствования...

Но душа у него спала. „Сила души велика“ оставалась нераскрытой, дремлющей...

Болель, муки совести мелят дядю Власа. Внешне он хуже, („в армяке, с открытым воротом, с непокрытой головой“), бродит по просторам русской земли, собирая на постройку храма; но внутренняя сила в нем проснулась. Правда Божия, мысль Божия о человеке в нем открылась и растет.

Если сравнить его с чиновником в рассказе Чехова, то дядя Влас — несомненно — подлинно и настояще культурный человек. При встрече с ним не станет „не по себе“, а наоборот, станет радостно, как будто в свежей воде искупался.

Тут-то и открывается то, что культура по своему своему существу, по самой своей сути до конца религиозна.

Она может быть только там, где признается, что у человека есть содержание, что в человеке есть Правда Божия, которой нужно помочь, чтобы она раскрылась.

Культура и состоит в раскрытии этого содержания. Иначе говоря, культура предполагает веру в божественное происхождение человека, утверждает, что в человеке есть духовные силы, есть образ Божий,

есть внутренняя глубина, которая и раскрывается-растет в культуру.

Теперь часто говорят, что мол, человек произошел от тех же предков, что и обезьяна. В таком случае не может быть речи о „культуре“. Если у человека нет „дыхания Божия“, нет образа Божия, если человек только жив от него, то ему нечего культивировать, у него нет того, что он мог бы раскрыть. Он только вещь, которую можно приспособить для того или иного „употребления“. Для него надо будет устроить „удобные оборудованные стойла-жилища“, позаботиться о том, чтобы он был сыт, одет, обут, что бы он „не скучал“ и т. д. Тут может быть речь только о цивилизации, только о том, чтобы „приучить“ зверя жить с выгодой и удобно, но не о культуре.

Характерно, что большевики, отрицающие Бога и образ Божий в человеке, не понимают того, да и понять не могут, что такое культура в настоящем, подлинном смысле этого слова. Для них человек — только животное — правда, очень высокое по своему развитию и поэтому — вся культура у них сводится к „развитию техники и удобства жизни“. Человеку же в их „культуре“ тесно. Ему там нет

места: он только „общественное животное“, которым пользуется для надобности „государство“. Более чуткие из них, особенно из молодежи, уже чувствуют неправду такого машинного и „звериного“ понимания культуры, чувствуют, что они задыхаются и дычат в такой „культуре“.

Но еще не все понимают, что причина той тоски, которая овладевает молодежью в С.С.С.Р. не во внешних обстоятельствах, а в том, что искажено самое понятие культуры, что убита ее душа, что культура может быть только там, где есть сознание религиозного смысла человека, где человек не считается только животным, а признается сыном Божиим.

Культура религиозна не только потому, что она может быть только там, где в человеке признается искра Божия, признается, что человек имеет в себе образ Божий, имеет внутреннее содержание, но и потому, что настоящая культура развивается только тогда, когда человек хочет служить Богу. Без этого служения Богу культура гибнет.

Об этом скажем в следующем очерке.

И. Лаговский.